

ЮБИЛЕЙ

Воланд – адвокат Иешуа

В сталинской Москве дьявол оказался гуманистом

Мария Чегодаева

«Библейские» главы романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» вызвали с момента первой публикации романа в журнале «Москва» (№ 11, 1966 – № 1, 1967), а также вызывают и по сей день споры и недоуменные вопросы. Бросается в глаза несоответствие рассказа Булгакова фактам, представленным в Евангелиях, и образа Иешуа Га-Ноцри – каноническому образу Иисуса Христа.

Мир советской Москвы

«Булгаковский Иешуа не имеет почти ничего общего с реальным Иисусом Назарянином, – утверждал Александр Мень. – Это мечтатель, наивный бродячий философ, который всех и каждого называет «добрым человеком». Не таков Христос в Евангелиях. От Него исходит сила. Он может быть строг и даже суров. Он резко обличает власть имущих: книжников и фарисеев. Он не искатель истины, а сама Истина. Он не «бродит», а, как выражается о Нем Честертон, совершает поход против сил зла. Я уж не говорю, что и сами евангельские события в романе искажены».

Но перечитайте непредвзято, «на свежий глаз» «Мастера и Маргариту»! Ваше представление о «наивном бродячем философе», возможно, окажется совсем не таким простым и однозначным.

Нельзя не ощутить, как резко отличаются «библейские» главы романа от глав, посвященных «современности» – 30-м годам прошлого века, времени написания романа. Отличаются не только своей эпической значительностью, но прежде всего своей поистине до галлюцинаций доходящей реальностью. Происходит нечто парадоксальное: события двухтысячелетней давности встают из небытия во всей своей чувственной осязаемости, буквально затывают читателя в жестокий, суровый, но абсолютно реальный мир Иудеи I века нашей эры, эпохи правления прокуратора Понтия Пилата, звучат многоголосием живой человеческой речи, сверкают живыми мазками красок картин

Михаил Булгаков.

Фото 1926 г.

праха, вышедшие из полуистлевших гробов преступники прошлых веков – убийцы, отравители, висельники, сводники, палачи, доносчики... «Премел нестерпимо громко джаз... дирижер пронзительно вскричал: – Аллилуйя!»

«Было дело в «Грибоедове»: «И ровно в полночь... мужской голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя!!» Это уда-

всей Москве билетом: квартиры, дачи в Перельгино, «полнообъемные творческие отпуска» от двух недель (рассказ-новелла) до одного года (роман, трилогия). Ялта, Суук-Су, Боровое, Цихидзари, Махнджаури, Ленинград (Зимний дворец) – и «в голове этой очереди» из трех тысяч одиннадцати членов МАССОЛИТА стояли опять-таки «примерно два десятка» «наиболее талантливых» литературных барышников...

Великий мистификатор

Исчезли внезапно и необъяснимым образом унесенные дьявольской силой директора театра Варьете Степа Лиходеев, администратор Варенуха. Но точно так же исчез внезапно, но вполне «объяснимым» образом Мастер, арестованный по доносу милейшего, преданного «друга» Алоизия Могарыча, позарившегося на его подвальные комнаты и настроившего «куда следует» донос, что «он хранит у себя нелегальную литературу».

Дикий погром, устроенный ставшей ведьмой Маргаритой в квартире критика Латунского, какжется куда слабее, «мизернее», как ощущает сама Маргарита, того морального «погрома», который учинили Латунский и иже с ним роману Мастера, доведя автора до психического расстройства. Ужас перед этой реальной нечистью («Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно») куда сильнее страха воландовских чертовщин, по сравнению с дьявольщиной сталинского мира и забавной и добродушной.

Великий мистификатор Булгаков «втер очки» миллионам своих читателей, заставив нас увидеть в Воланде носителя нравственности и добра. То, что в мире Москвы 30-х годов самым гуманным официальным учреждением, чуть ли не островом спасения предстает сумасшедший дом, а дьявол вызывает симпатию и кажется нравственнее людей, весьма многозначительно.

В чем же проявляются «нравственные принципы» дьявольских сил? В том, что не-

чисть в лице Фагота и кота Бегемота полумлилась над несчастными советскими бабами, обреченными носить убогий ширпотреб и не устоявшими перед соблазном «Герлан, Шанель номер пять, Мицукко, Нарсис нуар», вечерними платьями и платками «коктейль»? В доводящих искреннее удовольствие иностранцев с достопримечательностями Москвы» бывший барон Майгель, впрочем, слишком очевидно, кем на самом деле являлся «барон» в сталинской системе, и преемственностью правления МАССОЛИТА, редактор толстого художественного журнала Михаил Александрович Берлиоз.

Этот-то за что? Чем хуже оказался Берлиоз критика-заушателя Латунского, отделавшегося быстро проходящими неприятностями, в то время как Берлиоз не только был убит, но уничтожен окончательно, бесповоротно. «Вы всегда были проповедником той теории, что по отрезанию головы жизнь человека прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие... Да сбывается же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие». Череп Берлиоза становится чашей, из которой Воланд пьет кровь барона Майгеля, застреленного Азazello.

Чем же заслужил председатель МАССОЛИТА такую страшную кару? Обратимся к первой главе романа, вслед за которой возникает как бы «прочитанная» Воландом глава «Понтий Пилат» из сожженной книги Мастера. Берлиоз обращает поучительную речь к поэту Ивану Бездомному. «Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, его редактор несколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. <...> Трудно сказать, что

В «современном» мире «Мастера и Маргариты» нет ни одного подлинно сильного героя. Все прошедшие перед нашими глазами персонажи вызывают сочувственный или издевательский смех, часто омерзение, реже – симпатию, жалость, но никто из самых привлекательных героев романа – ни Мастер, ни Маргарита, ни бывший поэт Иван Бездомный – не способны сами противостоять злу. В чудовищном мире, где они вынуждены жить, дьявол – единственный, кто может хоть немного обуздать стихию зла, вернуть Мастера и Маргариту в их жалкий подвал... на что? На неизбежные новые глумления и гибель? Подлинное милосердие и подлинное спасение не по его «ведомству». «Не спорю, наши возможности довольно велики, они гораздо больше, чем полагают некоторые не очень зоркие люди... Но какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому ведомству?» Милосердие – «ведомство» Иешуа Га-Ноцри.

Тени нет без света

Дух тьмы Воланд не только вынужден подчиниться Иисусу Христу – он не существует без Него, как тень не существует без света. Вдумаемся: во всем романе беспощадной казни подвергаются лишь двое: «слушающий в Бюро по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы» бывший барон Майгель, впрочем, слишком очевидно, кем на самом деле являлся «барон» в сталинской системе, и преемственностью правления МАССОЛИТА, редактор толстого художественного журнала Михаил Александрович Берлиоз.

Этот-то за что? Чем хуже оказался Берлиоз критика-заушателя Латунского, отделавшегося быстро проходящими неприятностями, в то время как Берлиоз не только был убит, но уничтожен окончательно, бесповоротно. «Вы всегда были проповедником той теории, что по отрезанию головы жизнь человека прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие... Да сбывается же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие». Череп Берлиоза становится чашей, из которой Воланд пьет кровь барона Майгеля, застреленного Азazello.

Чем же заслужил председатель МАССОЛИТА такую страшную кару? Обратимся к первой главе романа, вслед за которой возникает как бы «прочитанная» Воландом глава «Понтий Пилат» из сожженной книги Мастера. Берлиоз обращает поучительную речь к поэту Ивану Бездомному. «Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, его редактор несколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. <...> Трудно сказать, что

не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисус-то этого как личности вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Именно это убеждение и стремление убедить других в том, что Иисуса Христа не было на свете, составило ни с чем не сравнимое преступление, за которое Берлиоз поплатился своей головой. Воланд не мог

в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисус-то этого как личности вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Именно это убеждение и стремление убедить других в том, что Иисуса Христа не было на свете, составило ни с чем не сравнимое преступление, за которое Берлиоз поплатился своей головой. Воланд не мог

была бы только густом безысходной тьмы.

«Ваш роман прочитали, – заговорил Воланд тоном почтительного секретаря, поворачиваясь к Мастеру, – и сказали только одно, что он к, сожалению, не окончен. Так вот, мне хотелось показать вам вашего героя. Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница... Когда он спит,

Иисус, а не Воланд, властвует над миром, без Него жизнь была бы только густом безысходной тьмы

допустить и не допустил отрицания существования Иисуса Христа, равносильного отрицанию существования его самого.

Весь роман Булгакова – утверждение, что Иисус существовал, существует, что Он реален («совершенно как живой»). Да, факты биографии булгаковского Иешуа мало соответствуют евангельским текстам. Возможно, прав Александр Мень, говоря, что «писатель использовал модную тогда гипотезу, будто евангелисты передали факты неверно». Согласно тому, что говорит Иешуа в романе о себе Пилату, он не знает никого из своих родных – «я один в мире». У него нет ни последователей, ни учеников, кроме Левия Матвея, который за-

тил в этом «бродячем философе» потрясающую силу Целителя, Мудреца, Учителя. Ощутил, что только этот Человек способен излечить его, Пилата, от мучительной боли, ответить на роковой вопрос «Что есть истина?» Га-Ноцри – истерзанный палачами, преданный мучительной казни арестант вызывает в романе не жалость, как Мастер, но уважение и восхищение и у Пилата, и у читателя. Он предстает в финале романа тем же, чем предстает Христос в Новом Завете: Носителем милосердия, о котором так прочно забыли в 30-е годы сталинской эпохи. Он призывает нас быть снисходительными к жалким суетным людям: «Злых людей нет на свете». Он обращает к каждому, самому

то видит одно и то же – лунную дорожку, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри, потому что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана.

«– Отпустите его, – вдруг пронзительно крикнула Маргарита...»

– Не надо кричать в горах... Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил Тот, с кем он так стремится разговаривать».

Иешуа Га-Ноцри «попросил» Воланда освободить Пилата...

«Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», – предвещал Булгаков свой роман цитатой из

В новом фильме Владимира Бортко роль Иешуа исполняет Сергей Безруков.

Фото FX DESIGN GROUP INT

писывает его слова. «Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умоляю: сожги ты бога ради свою пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал». Не по Евангелиям, по-своему, остроумно и убедительно изображена писателем гибель Иуды, хотя психологически, с точки зрения характеристики Пилата, рассказ Булгакова вполне соответствует тому, что говорится в Евангелиях: прокуратор сознает несправедливость казни Иисуса Назарянина, рад хоть чем-то насытить Синедриону, вынужденному его вынести приговор...

Но в контексте романа все эти сложные отступления от канона имеют, на мой взгляд, очень мало значения, а образ Иешуа Га-Ноцри предстает настолько сильным, что черты сходства с Иисусом ступают. Воскресший Иисус предстал глазами людей в разных обличиях, Его не всегда было возможно сразу узнать... В романе Иисус дан исключительно через восприятие Пон-

ничтожному из нас слова прощения и понимания, постольку ничто так не нуждался в добром слове, как персонажи «Мастера и Маргариты», советские люди 30-х годов.

Две силы

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

Безусловно, от Христа Евангелия исходит сила. Но ощущение сверхъестественной силы исходит и от Иешуа Га-Ноцри «Мастера и Маргариты». Не случайно же с такой иступленной ненавистью и очевидным страхом добиваются члены Синедриона казни этого «мечтателя!» Сила Иешуа во много раз превышает силу Воланда. Он, а не Воланд решает судьбу Мастера и Маргариты, просит Воланда, а по существу предписывая ему: «...чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем» – тем единственным, что так необходимо истерзанному, полубезумному Мастеру и так недоступно в действительности.

«А что же вы не берете его к себе в свет?» – вопрошает Сатана посланца Того, чье имя на этот раз не произносится, и слышит ответ: «Он не заслужил света, он заслужил покой». «Передай, что будет сделано», – ответил Воланд и прибавил, причем глаз его вспыхнул: – и покинь меня немедленно».

Иисус, а не Воланд, властвует над миром, без Него жизнь

«Фауста» Гете. Вынуждена совершать...

«...По лунной дорожке идет «человек в белом плаще с кровавым подбором <...> Рядом с ним идет какой-то молодой человек в разорванном хитоне. <...> Боги, боги, – говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, – какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, – тут лицо из надменного превращается в умоляющее, – ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было!»

– Ну, конечно, не было, – отвечает хриплым голосом спутник, – это тебе померещилось.

– И ты можешь поклясться в этом? – заносчиво просит человек в плаще.

– Клянусь, – отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются».

Парадоксальное по неожиданности, по смелости, как весь роман, но такое поразительное утверждение для тех, кто уже две тысячи лет проклятия предательства и неподвластного времени и палачам бессмертия. Но все же кого? Неужели всего лишь «мечтателя, наивного бродячего философа, который всех и каждого называет «добрым человеком»?

Чего-то не договорил с Иешуа Га-Ноцри прокуратор Иудеи Понтий Пилат; чего-то не дописал о Нем Мастер... Чего-то недопояняли мы...

Мария Андреевна Чегодаева – доктор филологических наук, публицист.

Александр Мень считал, что булгаковский Иешуа не имеет ничего общего с реальным Иисусом

ны, словно бы написанной автором непосредственно с натуры.

Мир советской Москвы сталинской эпохи, казалось бы, столь же натуральный, известный Булгакову в каждой своей подробности, предстает сплошной фантазматорией вроде лишенного лица и тела пустого костюма Прохора Петровича или ставшего поросенком Николая Ивановича... Нарочитая, подчас почти фелетонная авторская интонация, откровенная пародийность вроде названия дачного поселка литераторов «Перельгино» (Переделькино), сочное описание густого коммунального быта, реальных мест Москвы (Патриаршие пруды, Садовая и пр.) не только не снимают ощущения фантазматории, но лишь еще больше усиливают его, сливаясь воедино с замешанными на гоголевских «Вие» и «Ночи накануне Ивана Купалы», но такими же нарочито натуральными картинками воландовской бесовщины. Поистине сатана и его присные явились в Москву 30-х годов как к себе домой; вторглись в мир, где и без них живут и действуют по их дьявольским законам. «Великий бал у сатаны». Пробило полночь... Несутся в бешеной пляске воскресшие из

рил знаменитый грибоедовский джаз» и «как бы сорвавшись с цепи» записали «Пухарев с поэтессой Тамарой Полу-месац», «Драгунский, Чердак-кий, маленький Денискин с гигантской «Штурман Джорджем», «виднейшие представи-тели поэтического подразделения МАССОЛИТА, то есть Павианов, Богоуховский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Бузляк...»

На другой день после устроенного нечистой силой алдского представления, «под стеной Варьете... в два ряда лепилась многотысячная очередь, хвост которой находился на Кудринской площади. В голове этой очереди стояло примерно два десятка хорошо известных театральной Москве барышников» – граждане жаждали дозреть до дармовых «парижских» туалетов, ухватить и спешно потратить сомнительные дьявольские купюры...

«Прорезав длиннейшую очередь, начинавшуюся внизу в пивзаводской, можно было видеть надпись на двери, в которую ежесекундно ломился народ...» – литераторы ломились урвать «блага», обеспеченные «членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнувшим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, – известным

и даже преуспевает в роли директора Варьете, сменив на этом посту Степу Лиходеева, переброшенного в Ростов на должность директора гастронома... Все вернулось «на круги своя», разве что уменьшилось количество ни за что ни про что истребленных черных кот-ов.

именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта, или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное

очень мало значения, а образ Иешуа Га-Ноцри предстает настолько сильным, что черты сходства с Иисусом ступают. Воскресший Иисус предстал глазами людей в разных обличиях, Его не всегда было возможно сразу узнать... В романе Иисус дан исключительно через восприятие Пон-